

А. Монвиж-Монтвид

Живой свидетель

Комната одинокого, пожилого человека среднего достатка. Старая мебель, чёрно-белые фотографии на стенах.

В кресле сидит Старик, поглядывает на часы.

Старик. Что-то они сегодня припозднились...

Звонит телефон.

Старик (ворчливо). Сейчас-сейчас...

Старик снимает трубку.

Старик. У аппарата!... Да, я... Какая радиостанция?.. Как же, знаю... Ну, конечно, такой юбилей!.. Помню ли я Васю? Станный вопрос! Как его можно забыть!.. Что значит, каким он был?.. Да, заводила, весельчак... В нём словно какой-то моторчик был... Да, правильно, именно лидер!... Да, мы с ребятами ещё тогда понимали, что в нём есть что-то этакое, особенное...

Старик вешает трубку.

Старик. И все-то хотят поговорить о нём к юбилею!... К юбилею... О моём-то, небось, завтра никто и не вспомнит...

Звонит телефон. Старик снимает трубку.

Старик. У аппарата!... Из какого журнала?.. Читал, читал... Как сейчас помню... Проявления гениальности? Были, конечно... Конечно, он всегда был таким, знаете ли, мечтательным, самоуглублённым... Да, именно, не от мира сего... Ну, конечно, великий поэт, как же иначе! Витал, так сказать, в этих, как их, империях... Что? Да, конечно, эмпиреях!... Мы, мальчишки, тогда его не понимали, он нам странным казался, не таким, как мы... Было в нём что-то... Именно, возвышенное, хорошее слово... Да, так и напишите.

Старик вешает трубку.

Старик (смеётся). Возвышенное! С детства отмечен печатью гениальности! Это Васька-то! Как, всё-таки, удобно, что у безвременно спившегося и в пьяном виде почившего великого поэта Василия Нечаева не осталось других знакомых, кроме меня! Пусть кто-нибудь только попробует меня опровергнуть, поспорить с живым свидетелем! Задавлю авторитетом!.. Василия, конечно, не моим, какой у меня авторитет без него...

А, с другой стороны, кто он без меня? Просто легенда, тень, имя в литературной энциклопедии... А мои воспоминания его оживляют, придают, так сказать, плоть, фактуру...

Звонит телефон. Старик снимает трубку.

Старик. У аппарата!.. Какое издание?... Это Василий-то?... (удивлённо) Печать обречённости? Ну, не знаю... Хотя, постойте-ка, он как-то сказал, что состариться не успеет... Конечно, предчувствовал... Ну, да, поэты – тоже пророки.

Старик вешает трубку.

Старик. Печать обречённости! Пить надо было меньше!

Звонит телефон. Старик снимает трубку.

Старик. У аппарата!.. На ток-шоу? Когда?.. Сейчас посмотрю, не занят ли... Вторник, вторник... *(делает паузу, шелестит листами книги)* да, свободен... На чём за мной заедут?... Хорошо, во вторник, в десять...

Старик вешает трубку.

Старик. Ток-шоу, на телевидении! Машину за мной пришлют, как за министром, да ещё благодарить будут! Думают, я чем-то занят, кроме этих интервью!.. А любопытно будет взглянуть на себя со стороны. Надо хоть костюм погладить, а то, думал, до похорон и не пригодится...

Вот и до телевидения дожил на старости лет, прославился, ещё кому-то интересен... А всё благодаря Васе. Чем бы я сейчас занимался, если б не он!.. А кем стал бы он, если б был жив? Эх, поговорить бы с ним ещё разок...

Звонит телефон. Старик снимает трубку.

Старик. У аппарата!.. С какого факультета, логического?.. А, филологического!.. Конечно, всё читал... Из раннего творчества, неопубликованного?.. Васька стихи писал, озорные, ну, как Пушкин, эти, как их, эпигоны... Да, эпиграммы... На кого? Да, на учителей... Сейчас попробую припомнить... *(в сторону)* Как же, стихи он писал. Матом, на заборе. *(в трубку)* А, вот: Алексей Витальич Спицын – это математик наш, худой был такой, высокий, и очень строгий, всё двойки с единицами ставил. Особенно Ваське... Как почему? Ну, он же этот, как его, не гуманоид... Да, гуманитарий! Так вот, Алексей Витальич Спицын – единица с единицей!... Да, не за что. Вы попозже перезвоните, может, ещё припомню.

Старик вешает трубку, смеётся, потирает руки.

Старик. Вот и моё творчество пригодилось! Так, глядишь, и поэтом стану, как великий Василий Нечаев!.. А ведь когда-то и сам стихи пописывал, даже в газете районной однажды напечатали... Выдать их, что ли, за Васькины? Только сейчас уже, поди, и не вспомню, а газета где-то затерялась...

Звонит телефон. Старик снимает трубку.

Старик. У аппарата!... С какого канала?.. Как же, смотрю... Случай из детства?... Желательно смешной?... Ну, хорошо. В июне дело было. Мы тогда с Мишкой Филимоновым... Что? Ну и с Васькой, конечно, куда ж без него! Так вот, мы с Мишкой на рыбалку пошли. Мишка-то, он знатным рыбаком был, он ещё... Что, не надо про Мишку?... А как же... Ну, значит, про Ваську... Вот, значит, мы с Мишкой, ... и с Васькой, на пруд пришли. А мосточки-то шаткие. Я, значит, говорю, что не выдержат, с берега надо удить. А Мишка-то, то есть, Васька, он отчаянный был. Он на мостки-то пошёл, только размахнулся, удочку подальше закинуть, а доски-то и не выдержали. А плавать он и не умел. Упал в воду, перепугался, руками по ней бьёт, «тону!», кричит. А он же длинный был, воды-то ему там по грудь... *(Старик смеётся)*. То-то мы потом над Мишкой потешались... Да, над Васькой, конечно, оговорился... Кто невысокий? Это Мишка-то?.. Ну, да, Васька. Это он потом расти перестал, а в детстве длинный был... *(удивлённо)* Он всю жизнь отчаянно шагал по шатким доскам? Ну, можно сказать и так... Ну, конечно, кто ж Васькиных стихов о рыбалке не помнит! *(в сторону)* Кроме меня... *(в трубку)* Ну, да, всё из детства... Да, не за что...

Старик вешает трубку.

Старик. Шагал по шатким доскам! Хорошо, не по граблям!.. Если бы я знал, что Васькой потом будут так интересоваться, ей-богу, ходил бы за ним и записывал. Память-то уже не та... Ну, ничего, придумаю ещё что-нибудь из детства непонятого гения! И Мишкин случай сошёл... Раз Мишку, кроме меня, уже тоже никто не вспомнит... Эх, Мишка, и как тебя тогда угораздило...

Звонит телефон.

Старик. Да, сколько ж можно про Ваську! Как им только не надоест!

Старик снимает трубку.

Старик. У аппарата друг Василия Нечаева!.. Как какого Василия?.. Что?.. Нет, не нужно... Ни со скидками, ни без!.. Какому Василию?.. Ах, Василию!.. Василию они на том свете тем более ни к чему!

Старик кладёт трубку.

Старик. Надо же! Кто-то ещё не знает, кто такой Нечаев, а просто хочет продать мне что-то, не расслышал что, в кредит! (*смеётся*) В моём-то возрасте, в кредит!

Звонит телефон. Старик снимает трубку.

Старик. У аппарата!.. Для какой передачи?... Как же, видел... Что, радиопередача?.. Ну, слышал, оговорился... Да, конечно, дружили... Первая любовь? Ну, кто же мальчишкой не влюблялся!... И, Васька, конечно, и я сам. Я тогда ещё для Леночки Терентьевой стихи написал. Как же они... А, вспомнил! (*декламирует*) Когда мы встретились глазами, ты покачала головой... Не перебивайте же!.. Чьи? Мои, конечно!.. Ах, не надо, только Васины?.. Вот он Вам сам и почитает!... На том свете, когда померёте!

Старик раздражённо бросает трубку.

Старик. Мои стихи им, видите ли, не нужны! И Леночка их тоже не интересует! Вот если бы в неё Васька влюбился – тогда другое дело!.. Он-то потом, говорят, по женской части был мастер, вот и искали бы его шал..., то есть, простите, муз великого поэта!... Первую любовь им подавай, с подробностями, интимными!

Звонит телефон. Старик снимает трубку.

Старик. У аппарата!.. Какая газета?.. Молодой человек, что Вы себе позволяете?!.. А, это так газета называется?... Гм, надо будет почитать... Первые стихи?.. Может, и первые, не знаю... Я тогда... Мы с Васей влюбились в одну девочку, Леночку Терентьеву. Ухаживали за ней, вот и написал стихи... Кто? Вася, конечно, не я же!.. Помню ли я? Дай бог памяти... Кажется, припоминаю... Мы тогда... нет... тогда мы... нет, не то... А, вот! (*декламирует*) Когда мы встретились глазами, ты покачала головой, и лучезарный облик твой я вспоминаю со слезами... Почему со слезами? Леночка же меня предпочла... Что значит, почему?.. А я, значит, недостойн!.. Ну, значит, не поняла его гениальности, а предпочла такую серость и посредственность, как я!

Старик бросает трубку.

Старик. Почему меня предпочла! Да, потому! На кой чёрт ей сдался бы этот оболтус!... Теперь хоть о Леночке вспомнят. Может, хоть могилку в порядок приведут. Всё-таки, первая муза великого Василия Нечаева!.. А он ведь, кажется, и не знал её, раньше уехал... (*машет рукой*) А, для журналистов неважно! Главное – сенсация есть!.. Опять мои стихи пригодились! Уж их-то точно объявят гениальными, и они будут открывать сборник великого поэта! Ещё кто-нибудь диссертацию напишет: «Влияние образа Елены Терентьевой на поэтическое формирование...» (*смеётся, закашливается*)... Эх, Леночка, какой же я был тогда дурак!..

Звонит телефон. Старик берёт трубку.

Старик. У аппарата!.. Какой корреспондент?.. Да, я... Что было главным? Да, много всего в жизни случилось, так сразу и не скажешь. Наверное, на войне... А, Вы про встречи с Василием?.. Да, всё было важным, только я тогда этого не понимал. Как там говорится – «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии»... Нет, не Нечаева, это другой поэт сказал... Нет, его я не знал... Нет, нельзя с ним поговорить... Да потому, что

он повесился!.. *(в сторону, прикрывая трубку)* С ума сойти! Корреспондент центральной газеты был потрясён, внезапно узнав о трагической судьбе Есенина! Ждём журналистского расследования! *(в трубку)* Да, конечно, Василий был особенный...

Старик вешает трубку.

Старик. Особенный! А я не особенный... Сколько у меня всего было за девяносто лет. Хорошего, плохого – всякого. И всё казалось таким важным, неповторимым... А теперь вдруг оказалось, что самым главным событием в жизни была детская встреча с этим мальчишкой! Такой пустяк перевешивает всю остальную жизнь! Один малюсенький камешек из огромного дома – а оказывается, что весь дом строился ради этого камешка!.. Философы рассуждают о смысле жизни! А весь смысл моей свёлся к случайному знакомству в детстве! Невероятно! Кант, Гегель, Сократ – ау, что вы теперь скажете?

Звонит телефон. Старик снимает трубку.

Старик. У аппарата!.. Да, знал... Каким он был? Да, обыкновенным!.. Ничем не выделялся!.. Да, не помню я уже никаких случаев!.. Свои – могу рассказать... Не надо? Я так и думал!

Старик раздражённо вешает трубку.

Старик. Опять Василий, всегда только Василий... А до меня – никому нет дела. И уже не будет... Я нужен только как последний знакомый этого Василия, чёрт бы его побрал! Как последний живой свидетель!.. Пока живой... А потом меня закопают, как собаку, и через день никто обо мне и не вспомнит. Разве что пожалеют, что не всё успели выпросить о детских годах гениального поэта Нечаева! А Василию поставят ещё один памятник...

Звонит телефон. Старик снимает трубку.

Старик. У аппарата!.. Да, я. Открытие памятника? *(в сторону, смеясь)* Ну, что я говорил! *(в трубку)* Поприсутствовать на открытии? Когда?... В день рождения?.. А откуда Вы знаете, когда у меня день... А, ну, конечно, в день его рождения, как же я забыл! Думаю, смогу... Речь? Отчего же, могу и выступить... Договорились.

Старик вешает трубку.

Старик. В день моего рождения приглашают открыть Васькин памятник! Выступить с воспоминаниями... Всем нужны мемуары живого свидетеля. А где мне их взять, эти воспоминания?

Старик берёт с полки альбом, открывает его, тычет пальцем в фотографию.

Старик. Да если бы я хотя бы помнил, кто из них этот Васька Нечаев! Этот, этот, а, может быть, этот? Я и видел-то его всего пару раз, и ни черта не запомнил! Мишку помню, Димку, Володьку, Леночку, но до них никому нет никакого дела, как и до меня! Только Василий! Я работал всю жизнь, как каторжный, воевал, а что он такого сделал?! Срифмовал два десятка стихов, спился и замёрз пьяный насмерть шестьдесят лет назад?!.. Эх, Василий, кто же ты?.. И кто я...

Звонит телефон. Старик захлопывает альбом, понимает трубку.

Старик *(раздражённо)*. У аппарата!.. Какая программа?.. *(обычным, вежливым тоном)* Ну, конечно, прекрасно помню. Мы тогда ещё с Васей...

Занавес.